
День первый

Мне кажется, все было именно так.

Много веков тому назад, а сколько — в той книжице указано не было, — два города, обреченные на сожжение и затопление уже только одними своими названиями, и были, в итоге, сожжены и затоплены. Предшествовала этому череда случайных и неслучайных событий, неразрывно связанных между собой.

Крестьянин по имени Лоб давно чувствовал по отношению к себе некоторую натянутость. Оно и не удивительно. Община, в которой он обитал, единожды взыскав с него плату за проживание, захотела еще, а он ей — кукиш.

Плата за проживание в общине — и здесь мы согласимся с Лобом — была специфической.

Детство мальчиков тут заканчивалось к тринадцати годам, после чего их насильно женили на сверстницах или слегка постарше. Если до бракосочетания они и видели друг друга, то вряд ли.

Когда в столь нелепом насильственном браке деторождение ставилось на поток, община, смущенно покашливая, освобождала постаревших мальчиков от исполнения супружеских обязанностей.

Обычно это выглядело так: по пыльной, падшей к ногам жары улице, попирая нарочитую поэтичность этих строк, шла группа умудренных старейшин. Глава семьи — тот самый постаревший мальчик — ожидал их, подпирая угол дома. Вокруг, не замечая ничего, неистовствовал в своих играх детский мир. Несчастливая, но гордая жена, обремененная очередным потомством, выглядывала на

свет Божий из-за угла, но, завидев приближающихся старейшин, неизменно пряталась куда подальше.

Старейшины здоровались, дожидались приглашения и проходили в дом. Последний из них занавешивал входной проем, дабы отгородиться и от смущавшего их детского мира, и от света Божьего, который, по правде говоря, вгонял их в благоговейный ужас.

Глава семьи предлагал им преломить хлеба, но нутром чуял — не за тем пришли. Обычно к делу приступал самый пожилой из старейшин, средний возраст которых, вопреки ожиданию, составлял двадцать восемь лет.

— Где жена твоя? — вопрошал он. — Доволен ли ты ею?

Тому, кто пытался обстоятельно отвечать на первый вопрос, быстро давали понять, что месторасположение какой-то там жены никого не интересует. Да и степень удовлетворенности главы семьи евойной женой, по правде говоря, тоже было делом десятым.

Разговор продолжался, и хозяин дома чем дальше, тем меньше ощущал себя хозяином положения.

— Выполнив одно веление Господа нашего плодиться и размножаться, — продолжал меж тем самый пожилой старейшина, — ты должен теперь задуматься о той заповеди, где речь ведется о жене ближнего своего. Помнишь ли ты, не мальчик, но муж, заповедь сию?

Глава семьи, как правило, припоминал:

— Не возжелай жены ближнего своего.

— Блудешь ли ты сей завет Господа нашего?

— Блуду, — с ударением на второй слог отвечал глава семьи.

— Тяжело ли дается тебе сие воздержание?

Здесь глава семьи, как правило, пожимал плечами:

— Сложно желать жену ближнего, если она всякий раз, по приходу моему, забивается в самый темный угол дома его и там сидит.

В ответ старейшины переглядывались, а в некоторых, особых, случаях даже негромко переговаривались.

После чего самый старый старейшина продолжал примерно в таком репертуаре:

— Но видь ты ее почаще и окажись вы — чисто гипотетически — в том же самом углу — ты бы наверняка ее возжелал?

— Сомневаюсь.

— Сомнения — не тот ответ, который был бы угоден Господу.

— Тогда... гм... ну... тогда я...

— Что лишний раз подчеркивает твои сомнения, — практически триумфально резюмировал старейшина.

— Ну... наверное, — довершал сомнительную картину вконец растерявшийся глава семьи.

— Так или иначе, — снисходительно улыбался старейшина, — но долг наш велит, доверяя слову твоему, учинить тебе профилактическое воздействие. Дабы даже мысль твоя не стремилась к чужой жене в темном углу.

— Что ж, — говорил тогда глава семьи, не предполагая худшего, — учиняйте.

Здесь старейшины переглянулись еще раз, уже не скрывая своих намерений, и самый младший из них откинул назад пропотевший капюшон.

— Тогда снимай штаны.

Это и была та самая плата за проживание.

После совершения над главой семьи старинного ритуала, от которого сам глава чаще всего бывал не в восторге, старейшины не спеша завязывали спущенные портки и старались не давать более одного туманного совета, как жить дальше.

В случае с крестьянином Лобом старейшина невнятно изрек вот что:

— Теперь ты, Лоб, можешь сделать то же самое с тем, кто согласится, что ты можешь делать с ним то же самое.

С тех пор как старейшины впервые побывали у Лоба дома — «дома» в прямом, а в какой-то мере и в переносном смысле, — они как вместе, так и по отдельности все норовили повторить. Причем побывать в доме Ло-

ба — «доме» в прямом смысле — они стремились как бы не в первую очередь. Дважды они застали Лоба на базаре, но он не ответил им взаимностью, сославшись на несварение желудка. Потом та же шайка-лейка полчаса тарабанила ему в дверь. После чего Лоб, наблюдавший за старейшинами через щель своего хоть и негерметичного, но прочного забора, трусливо послал к ним свою беременную жену. Та вернулась в слезах. Старейшины намекнули, что не погнушаются их пятилетним сыном, если папа не явится на профилактику. При этом они привычно проигнорировали нетрадиционное лакомство в виде беременной жены ближнего.

Так была рождена натянутость их отношений. О Лобе стали распускать нехорошие слухи, тыкать в него пальцами и смеяться. Его корнишоны на рынке перестали покупать, его сына отказались принимать в ясли по изучению Священного Писания.

Лоб в какой-то мере рад был этому факту — чай, и в ясли старейшины могли наведаться, дабы преподать мальчугану иной урок, слабо связанный с Писанием, что-то вроде «сыновья должны отвечать за упрямство своих отцов». Лоб учил сына дома и, отвечая на его наивные вопросы в меру своих скромных познаний в Священном Письме, не раз сам задавался вопросом: с какого рожна, по прошествии какой-то тысячи лет после потопа, после яростного уничтожения всего живого по причине его падения в моральную немощ, истину снова приходится познавать, не через сердце ее пропуская, а — как корнишон — через узкие стенки пищеварительного тракта? Если в земле еще не успел истлеть Авраам, а сами богоносцы, живущие, по их убеждению, в окружении бесчестных варваров, уже ведут себя, как последние упыри, то что говорить об условном каком-нибудь Максимилиане, который будет жить в условном каком-нибудь две тысячи пятнадцатом?! Ему вообще хоть голову при рождении поднять дадут?

— Богу не помешало бы расщедриться на очередной потоп, — сказал как-то Лоб сынишке.